

Доктор Роджер Грин, Американское христианство,

Сессия 7, Религия и Американская революция

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 7, Религия и Американская революция.

Я на странице 13 программы, если это поможет. Это Первое Великое Пробуждение, и мы заканчиваем Первое Великое Пробуждение сегодня. Мы как раз там, где должны быть в лекции, так что мы благодарны за это. Просто напоминаю, что мы уделяем довольно много времени Джонатану Эдвардсу, потому что он был столь критичен не только к Первому Великому Пробуждению, но и был критическим мыслителем в американском христианстве, так что мы делаем это.

Затем мы говорили о трех других важных лидерах. Мы говорили о Фрелингхейзене, Тенете и важности Джорджа Уайтфилда. Первое Великое Пробуждение не обошлось без сопротивления.

Были реакции на Первое Великое Пробуждение, и поэтому мы рассматривали эти реакции, три из них в частности. Теперь мы имеем результаты Первого Великого Пробуждения. Оно оказало огромное влияние на американскую жизнь и культуру, не только теологически, но и социально, чего многие люди не осознают.

Эти две вещи, очевидно, пересекаются друг с другом, поэтому вы не всегда можете провести четкое различие между теологическим и социальным воздействием, но это социальный вклад. Вот где мы находимся. Я пройду по списку здесь.

Я не помню, где именно мы остановились, но, кажется, мы упомянули возвышение простого человека, важность мирян в Первом Великом Пробуждении и то, как они смогли сделать в церковной жизни то, чего никогда не могли сделать раньше. Они могли говорить публично. Они могли читать Библию публично.

Они могли участвовать в церковной жизни. Община всегда этим занималась, но они могли участвовать в церковной жизни. Это номер два.

Подчеркивается активность мирян. Новые роли руководства в церкви. Руководство в церкви больше не является только священником или служителем; руководство в церкви теперь разделено с мирянами.

Я думаю, мы это уже упоминали. Я думаю, мы, вероятно, упоминали личную независимость в религиозной жизни; свобода выбора приводит к такой же личной независимости и в политической жизни. Разделение церкви и государства очень важно.

Это было важно для таких людей, как баптисты, католики и некоторые пуритане. Люди, которые страдали от государственного гнета в Европе, теперь приезжают сюда, и они наверняка хотят разделения церкви и государства, чтобы государство не могло контролировать церковь. Итак, мы добрались до нового гуманитарного импульса? Разве это не то, на чем мы остановились? Давайте поговорим о новом гуманитарном импульсе, который будет очень важен для американской жизни и культуры. Был отрывок из Матфея 22: возлюби Бога, возлюби ближнего своего.

Ну, это становится важным в первом Великом Пробуждении. Любите Бога, любите своего ближнего. Теперь, кто ваш ближний? Ну, когда Джону Уэсли задали вопрос, кто ваш ближний, он сказал, самый бедный из вас — ваш ближний.

Самый беспомощный из вас — ваш сосед. Итак, этот гуманитарный импульс, позвольте мне привести вам только один пример, а затем мы увидим, как он растет и развивается в американской культурной жизни со Вторым Великим Пробуждением и возрождениями, которые пришли в 19 веке. Одним из примеров этого было строительство Уайтфилдом приюта в Джорджии.

В Джорджии был нужен приют. Кто будет этим заниматься? Кто будет заботиться об этих сиротах? Уайтфилд решил, что он будет заботиться о них, и построил приют. У приюта была долгая и очень интересная история.

Сейчас у нас нет времени на все это, но это показывает гуманитарный импульс этого Первого Великого Пробуждения и Джорджа Уайтфилда, который хотел построить приют и позаботиться о детях. Так что мы увидим это много раз в наше время вместе. Новые формы собраний очень, очень важны, эти новые формы собраний.

Теперь, новые формы собраний принимают две характеристики, которые мы также увидим в политическом плане. Первая характеристика — это социальный контекст собрания. Мы уже как-то упоминали об этом.

Социальный контекст собрания не будет ограничен церковью, зданием или местом, но это будет на открытом воздухе. И это будет на открытом воздухе, где каждый может присутствовать. Я имею в виду, что вам не обязательно быть голосующим членом церкви, чтобы присутствовать на этом.

Итак, новые формы собраний включали социальный контекст, который был совершенно отличен от всего, что мы видели раньше. Это теперь новое. Это другое.

И затем вторая вещь об этом — способность в этом социальном контексте критиковать власть. Это происходит немного, возможно, даже в Первом Великом Пробуждении, но это, безусловно, происходит политически после Первого Великого Пробуждения. Люди чувствуют, что власть лидера может быть подвергнута критике, и они могут делать это открыто и публично.

Итак, эти новые формы собраний действительно открывают пару возможностей здесь, в Первом Великом Пробуждении, которые мы собираемся как бы перенести. И затем суверенитет народа. Суверенитет народа теперь становится критически важным для политической власти.

Итак, из того, что мы увидели сейчас, это новая форма организации. Лидерство в прошлом выдвигалось только благодаря связям или только благодаря богатству, влиянию и власти. Ну, суверенитет народа стал критически важным.

Итак, это люди, которые говорят публично о разных вещах. Вот цитата, которая как бы обобщает все это. Мне нравится эта цитата, потому что она так хорошо сформулирована, но рассмотрите ее как общественное событие.

Итак, давайте думать об этом как о социальном событии. Первое Великое Пробуждение означает не что иное, как первый этап Американской Революции. Это довольно сильное утверждение, что это первый этап Американской Революции.

Произошла бы Американская революция, если бы не было такого сильного Первого Великого Пробуждения в Америке? Ну, мы не знаем, потому что мы знаем, куда пошла история, но это хороший вопрос и хороший способ как бы подвести итог этому как первому этапу Американской революции. Итак, здесь происходит много всего, и есть много результатов, не только теологических, но и социальных. Итак, Первое Великое Пробуждение, мы могли бы потратить наши 15 недель на это Первое Великое Пробуждение.

Это было довольно чудесное событие, которое произошло в американской жизни и культуре, и оно также помогло сформировать американскую жизнь и культуру. Интересно, есть ли какие-либо вопросы или что-то, что нужно

обсудить о Джонатане Эдвардсе, руководстве, о том, что происходит в Первом Великом Пробуждении, и каковы были результаты Первого Великого Пробуждения. Эти люди будут считать себя евангелистами.

Это термин, который появился во время Реформации. Термин «евангелический» появился во время Реформации, чтобы как бы, в некотором смысле, отличать протестантизм от римского католицизма. Термин Уэсли очень активно использует в Англии.

И то, что происходит в Англии, это Уэслианское возрождение, которое происходит в то же время, что и Первое великое пробуждение. Итак, эти люди будут считать себя евангельскими, и это термин, который им знаком и, возможно, иногда используется для себя. Теперь этот термин вернется. Термин, который мы понимаем как евангельский, вернется снова немного во время Второго великого пробуждения, но на самом деле это произойдет в середине 20-го века.

Итак, мы собираемся увидеть немного истории, но да, это был бы термин, который им был бы знаком. Если бы кто-то сказал Джонатану Эдвардсу, что вы евангелист, он бы ответил, да, я евангелист; это то, во что я верю, и это возрождение является евангельским возрождением, как Уэслианское возрождение в Англии. Так что да, есть что-то еще о Первом Великом Пробуждении; что здесь происходит?

Хорошо, мы все с этим готовы? Давайте двигаться дальше. Я на странице 13 программы. Так что теперь мы перейдем к лекции номер пять, Религия и Американская революция.

И мы сначала рассмотрим деизм, очень важное движение, которое повлияет на нас, как в религиозном, так и в социальном плане. Затем мы рассмотрим политические и религиозные теории отцов-основателей. А затем мы увидим реакцию церквей на Американскую революцию, и закончим, немного поговорив о посещении церкви во время Революции.

Итак, начнем с деизма. Хорошо, так где мы с деизмом? Хорошо, для начала давайте возьмем 18 век в общем. 18 век был известен как Век Разума или Век Рациональности.

Я имею в виду, это начинается в 17 веке, но затем это переходит в 18 век. Так что это своего рода широкое верхнее определение, конечно. Но я думаю, что это полезно для нас.

Эпоха разума, эпоха рациональности. Хорошо, теперь позвольте мне упомянуть три вещи, характерные для 18 века, три вещи, которые помогли сформировать и

сформировать Эпоху разума 18 века. Хорошо, во-первых, определенно есть своего рода возвышение разума.

У нас есть начало современной философии, возвышение разума, важность разума. И с этой важностью разума иногда возникает скептицизм по отношению к Библии, к церкви, к организованному христианству, как к кающемуся неразумным, как к кающемуся несоизмеримым с тем, что разумно, что рационально. Хорошо, это одно, своего рода подъем философии вместе с этим, временами, скептицизм по отношению к историческому христианству.

Хорошо, номер два, вторая характеристика этого века разума, и это своего рода способ заниматься теологией. Мы называем это естественной теологией. Естественная теология по сути является теологией; вы, возможно, помните это от большинства из вас, кто, возможно, проходил курс теологии, но естественная теология - это теология, основанная на разуме и на наблюдении за естественным миром.

Итак, естественная теология действительно вступает в игру в 18 веке очень мощным образом. Итак, то, что мы знаем о Боге и о его мире, получено посредством наблюдения. И то, что естественная теология и то, что люди в 18 веке говорили, было: посмотрите на мир. В мире есть красота, есть порядок и есть дизайн.

Это то, что мы видим в мире. Следовательно, должен быть кто-то, кто это создал. Так что естественная теология просто смотрит на это.

Однако они не всегда осознавали, что естественное богословие имеет два недостатка, и они не всегда осознавали недостатки естественного богословия. Первый недостаток заключается в том, что оно как бы упраздняет откровенное богословие или раскрытие Бога в писаниях или то, как Бог открывает себя в личности Христа. Поэтому они на самом деле не вникали в это. Это богословие открыто.

Что насчет откровения? Что насчет теологии как откровения? Второе, с чем они на самом деле не справились, это вопрос о том, если вы собираетесь полагаться на естественную теологию, если это то, на чем вы собираетесь строить свою теологию, на красоте, порядке, замысле вселенной, то что происходит с этой теологией, когда происходят землетрясения, наводнения, цунами и болезни, которые уничтожают пару сотен тысяч людей и так далее? Где же тогда ваша естественная теология? Разумна ли она? Рациональна ли она? Дает ли она вам хорошее представление о том, кто есть Бог? Итак, естественная теология имела свои реальные ограничения, и люди не всегда как бы осознавали эти ограничения. Если вы собираетесь полагаться только на естественную теологию,

вам как бы придется смириться с этими ограничениями. Так что это номер два с точки зрения формирования века разума.

Итак, номер один — философия. Номер два — естественная теология, а затем у нас есть третий. По сути, ранние деисты, о которых мы поговорим, иногда апеллировали к писанию, но в конце концов они от него отказались.

Библия вышла, а наша собственная способность рассуждать осталась, и это то, что естественная теология формируется нашим разумом. Третье, что в 18 веке были годы и годы и годы религиозных войн в Европе. В предыдущие пару столетий в Европе были всевозможные религиозные войны между католиками и протестантами, и в 18 веке, в каком-то смысле, люди были сыты по горло этим.

Люди думали, если это христианство, то я не хочу иметь с этим ничего общего, понимаете? Так что есть своего рода отход от этих религиозных конфликтов и высказывание, давайте посмотрим, сможем ли мы разработать теологию и моральную жизнь, которые не допускают подобных вещей. Так что люди устали от религиозных конфликтов и войн предыдущего столетия или двух. Люди хотят более разумного подхода к жизни и религии.

Итак, век разума — это своего рода реакция на то, что происходило раньше. Хорошо, теперь, что происходит, это то, что время от времени вы получаете, вы знаете, в этом курсе, вы смотрите на , иногда вы получаете нужного человека с нужной идеей и нужные события, как бы объединяющиеся. Ну, это происходит с человеком по имени Джон Локк.

Джон Локк очень, очень важен для философии, теологии, христианства и так далее. Хорошо, теперь появляется Джон Локк. Вот его даты, и он написал книгу под названием «Разумность христианства». Итак, само название книги как бы выдает то, что он собирается сказать в книге «Разумность христианства».

Итак, предпосылка Локка в «Разумности христианства» заключается в том, что основные истины христианства рациональны. Вы можете различить их своим разумом. Они рациональны и могут быть рационально восприняты. Итак, основные истины христианства просты, базисны и разумны.

И это, и он собирается сделать дело, своего рода, он собирается сделать дело для этого. Хорошо, он в значительной степени полагается, конечно, на естественную теологию, потому что частично он делает свое дело из красоты мира, порядка мира, симметрии мира и замысла мира. Так что он собирается сделать свое дело, основанное частично на такого рода естественной теологии.

Но христианство, насколько он понимает, в принципе разумно. Хорошо, теперь кто-то вроде Джона Локка, однако, все еще использует Библию. Это отвечает на эти вопросы в некотором смысле, но он все еще использует Библию.

Он не полностью выбросил Библию. Но последователи Джона Локка, которые войдут в 18 век и будут верить в такие же вещи и считать, что христианство разумно и рационально, в конце концов выбросят Библию. Они считают, что могут развить все, что им нужно знать о Боге, его вселенной и о нашей жизни, из нашего разума, просто глядя вокруг.

Но Джон Локк становится очень, очень важным в плане формулирования того, что в конечном итоге будет известно как деизм. Поэтому мы хотим упомянуть его имя. Хорошо, и вот появляется движение под названием деизм.

Ладно, и так мы все еще на А здесь, деизм. И тут появляется движение под названием деизм. Ладно, давайте дадим определение деизму.

Я думаю, мы уже, вероятно, упоминали это в курсе. Но деизм — это не религия. Деизм — это разновидность религиозной философии.

Деизм — это своего рода религиозное мировоззрение, которое на самом деле началось в Англии через труды таких людей, как Джон Локк. Оно началось в Англии и перешло в Америку, а затем, конечно, в колонии. Так что это деизм.

И вы знаете, деизм от Бога здесь наверху, а мы здесь внизу. Бог завел мир как часы, и они тикают. Так что теперь, просто чтобы убедиться, что мы понимаем, противоположность деизма — теизм.

Итак, теизм — это противоположность деизма. Деизм — это Бог здесь наверху, а мы здесь внизу. Теизм — это Бог здесь наверху, но он беспокоится о наших жизнях.

Он ворвался в наш мир в лице Иисуса Христа, нашего Господа, и здесь есть личные отношения с Богом. Это теизм. Хорошо, но давайте вернемся к деистам.

Итак, они начали формироваться в 17-м и 18-м веках. Хорошо, позвольте мне привести несколько их верований, которые были разработаны, и которые как бы подчеркнут, что такое деизм. Хорошо, во-первых, они монотеисты.

Они верят в Бога. Так что они монотеисты. Они не язычники.

Они не верят во многих богов. Так что они монотеисты, но, конечно, они отрицают Троицу. Так что, по сути, они унитарии, и это та конфессия, в которую они в конечном итоге превратятся.

Хорошо, так вот одно из убеждений деистов, вера в единого Бога. Хорошо, деисты, они должны были бы сказать, что в мире есть грех, потому что как можно быть зашоренным, чтобы не сказать этого? Они должны сказать, что в мире есть грех, но этот грех не является первородным грехом. Этот грех просто исходит из свободной воли, что мы должны говорить Богу «да» или «нет», но они признают, что в мире есть грех.

Им придется это сделать. Хорошо, но это приводит к номеру три. Однако то, что они хотят подчеркнуть, то, что деисты хотят подчеркнуть, это мораль и этика.

Возможно ли жить хорошей жизнью? Возможно ли практиковать добродетель? Возможно ли жить нравственной жизнью? И ответ деистов на это — безусловно да, и это потому, что у вас нет первородного греха, который бы мешал этим возможностям делать это. У вас может быть какой-то грех в вашей собственной жизни из-за свободы вашей воли, но у вас нет первородного греха, который будет мешать вам делать это. Так что они действительно призывают людей к добродетельной жизни, к нравственной жизни, и они считают, что это правильно.

Номер четыре для деистов, они делают. Деисты, особенно ранние деисты, ожидали, что есть загробная жизнь. Они чувствовали, что добродетель не может быть полностью вознаграждена в этой жизни. Хорошая нравственная жизнь не может быть полностью вознаграждена здесь, и поэтому есть загробная жизнь.

И они даже готовы сказать, что в загробной жизни есть награды и наказания. Есть ли в загробной жизни рай и ад? Ну, это становится немного неясным, но в загробной жизни, безусловно, есть награды и наказания, в этом нет никаких сомнений. Теперь, в конце концов, помните, что деизм — это всего лишь религиозная философия.

Это пока не конфессия, но со временем, когда она перерастет в унитариянство, она также перерастет в универсализм. Так что деизм в конечном итоге перерастет в унитариянство, а затем в универсализм, который учит, что все люди будут наслаждаться наградами небес, независимо от того, какова их жизнь здесь, на земле. Все пойдут и будут с Богом.

Бог все исправит в каком-то смысле. И неудивительно, что в 20-м веке, в середине 20-го века, унитариянцы и универсалисты, которые начинались как две отдельные конфессии, объединятся здесь, в Америке, в 20-м веке, так что они станут унитариянско-универсалистской конфессией.

Итак, эти два аспекта деизма собираются объединиться. Так что это некоторые вещи, которым учили деисты, некоторые вещи, в которые они верили. Итак, есть пара писателей, которые не сделали этого, и помните, мы сказали в ответе на вопрос, что ранние деисты не хотели выбрасывать Библию.

Они хотели разобраться с Библией. Они хотели использовать библейский текст. Поэтому я хочу упомянуть здесь двух важных авторов.

Первый — Джон Толанд. Оба они британские писатели, и оба эти писатели по сути будут защищать деизм. Он написал книгу под названием «Христианство не таинственно».

И тезис его книги заключается в том, что в Библии нет ничего, что было бы выше нашего разума. В библейском тексте нет ничего, что не гармонировало бы с разумом. Итак, если в библейском тексте есть что-то, что не гармонирует с разумом, то, может быть, нам следует избавиться от этих текстов.

Но мы хотим христианства, а не тайны. Мы не хотим никакой тайны. И вот Джон Толанд написал свою книгу, а затем последовало то, что стало известно как деистская Библия, Мэтью Тиндалл, «Христианство так же старо, как сотворение мира».

Христианство старо как мир. В этой книге он отстаивает использование разума для понимания писания, а не использование откровения, а не понимание писания как откровения. Таким образом, писание не является откровением от Бога для нас.

Писание — это некое слово Бога для нас, но слово Бога, которое мы можем постичь нашим разумом. Итак, христианство так же старо, как и Творение. Для кого-то вроде Тиндалла, что вы видите, когда смотрите на творение? Порядок, красоту и дизайн.

Ну, это верно и для христианства. Христианство — религия порядка, красоты и дизайна. И это не иррационально и не неразумно.

Итак, Толанд и Тиндалл оказали огромное влияние своими работами на английский унитаризм и английский деизм, но тогда, конечно, американцы тоже читали Толанда и Тиндалла. Так что это стало действительно очень важным. Давайте остановимся на А всего на минуту, на деизме.

Православие сейчас начнет отвечать деизму. Православие начнет давать отпор деизму, и немного беспокоиться о том, что деизм так популярен, так завоевывает сердца и умы людей, как бы выигрывая битву. Так что православие будет давать отпор.

Позвольте мне упомянуть три способа, которыми Православие отталкивает. Номер один, первый способ, которым Православие отталкивает, это признание части деистского послания. Чтобы сказать деистам, мы согласны с частью того, чему вы учите.

Мы признаем это. В мире есть порядок, красота и замысел. И мы видим это в Ветхом Завете.

Мы видим это у авторов Псалмов. Мы видим это в некоторых местах Нового Завета. Итак, первое, что они делают, это пытаются найти общий язык с деистами и говорят, что часть того, чему вы учите, верна.

И сам Кальвин сказал, что один из способов, которым мы познаем Бога, — это взгляд на окружающий нас мир. Так что это один из способов, которым они реагируют, пытаясь найти такого рода общую почву. Номер два, второй способ, которым они реагируют, — это защита Библии.

Или я должен сказать, может быть, лучше было бы защищать всю библейскую запись. Поэтому ортодоксы ответили, заявив, что библейская запись - это не просто разумное понимание мира и Божьего замысла, но библейская запись наполнена чудесами и пророчествами и высшим Богом, становящимся плотью, высшей тайной в некотором смысле, Богом, становящимся плотью. Поэтому мы признаем, что, возможно, деисты видят часть библейского текста, но мы хотим сказать, что есть другая часть библейского текста, которую они не признают, и что они должны это сделать, потому что это вся Библия.

Итак, вся Библия — это не просто рациональное понимание того, кто есть Бог. Библия также, временами, ну, полна чудес и других способов действия Бога, которые мы не всегда понимаем, и так далее. Так что это второй способ, которым они как бы защищали ее.

Третий способ — это способ, которым защищало его православие. Был человек, который написал книгу под названием «Дело в пользу разума». Третий способ, которым защищало его православие, — это утверждение, что христианство — это ищущее веры понимание.

Итак, третий способ — сказать, что мы согласны, что разум очень важен. Мы согласны, что использование нашего разума в понимании Бога и того, что Бог хочет для нас, очень важно. Итак, третий способ, которым Православие говорит разум, мы согласны, вера ищет понимания.

Однако часть этого Православия говорит, что нужно помнить, что есть пределы нашей рациональности. Помните, что есть пределы нашей способности

рассуждать. Помните, что есть тайна в том, как действует Бог, и нет ничего более таинственного, чем Бог, пришедший во плоти в лице Христа, и мы радуемся этому верой.

Итак, аргумент в пользу разума, да, можно привести аргумент в пользу разума, но у этого разума есть свои пределы. Итак, православие начинает отталкивать. Православие начинает отвечать деистам.

Итак, у них тут начинается некий конфликт между деистами и ортодоксальностью. Одним из тех, кто, конечно, дал отпор, был Джонатан Эдвардс, отвечая деистам. Хорошо, это А, деисты.

Есть ли какие-то вопросы об этих людях? Они очень важны. Некоторые из вас, возможно, захотят написать о деистах в статье, но есть ли какие-то вопросы об этих людях? Хорошо, теперь давайте перейдем к В и поговорим о политической и религиозной теории отцов-основателей. Хорошо, вот куда мы собираемся с этим пойти.

Ладно, я люблю свою работу. Мне нравится быть в Гордоне. Я люблю свою работу.

И я собираюсь сказать некоторые вещи, с которыми не все из вас согласятся и, вероятно, посчитают их еретическими, и, возможно, Совету попечителей стоит поговорить со мной. Иногда вы хотите, чтобы вы преподавали математику как два, а два — четыре, и это хорошая вещь. Итак, я собираюсь изложить дело, а затем посмотреть, согласитесь ли вы с ним или нет.

Вы отталкиваетесь от этого. Не проглатывайте это просто так. Если вы не согласны с этим и у вас есть веская причина не соглашаться с этим, обязательно скажите мне.

Итак, ладно, значит, мы с этим справимся? Мы справимся. Так что благослови ваши сердца. Ладно, политическая и религиозная теория отцов-основателей.

Хорошо, отцы-основатели, вот мой тезис в некотором смысле. Большинство отцов-основателей, не все, но большинство из тех, кого мы называем отцами-основателями, не были евангельскими христианами. Они не были теми, кого мы бы назвали евангельскими христианами.

Нет никаких доказательств того, что они были евангельскими христианами. И я говорю об основателях-движителях и шейкерах. И я приведу Томаса Джефферсона через минуту в качестве примера.

Эти люди находились под сильным влиянием деистов. И на них сильное влияние оказало деистское мышление, как религиозное, так и политическое. И поэтому нельзя предположить, что отцы-основатели были великими евангельскими, верующими в Библию, ходящими в церковь христианами.

К сожалению, доказательства этого не подтверждают. Хорошо, давайте возьмем Томаса Джефферсона в качестве примера. Томас Джефферсон сам был деистом.

Деизм оказал большое влияние на его жизнь. Определенная политическая теория также оказала большое влияние на его жизнь, которая также была деистической. Томас Джефферсон, просто чтобы показать вам, насколько он был деистом, написал Библию Джефферсона.

Я не знаю, видел ли кто-нибудь из вас Библию Джефферсона, но если вы видели Библию Джефферсона, Томас Джефферсон, что он сделал, он взял Библию, особенно Новый Завет и особенно Евангелия, и что он сделал, он вырезал из Библии чудеса Иисуса. Он вырезал чудеса, потому что он чувствовал, что чудеса были иррациональными и неразумными и не могли быть поддержаны или защищены. Ему нравились некоторые хорошие вещи, которые говорил Иисус.

Итак, вы сохраняете некоторые вещи, такие как Заповеди блаженства, в тексте. Но Библия Джефферсона на самом деле является Библией, которая тщательно отредактирована, я бы сказал, чтобы показать Иисуса. Иисус в итоге оказывается чем-то вроде великого мыслителя 18-го века.

Итак, чудеса исключены. Ну, если вырезать чудеса, то у вас есть некоторые проблемы здесь. А если вырезать такие вещи, как смерть на кресте и воскрешение, то у вас есть некоторые основные проблемы здесь.

Но Джефферсон хотел очень смиренного Иисуса. Он хотел очень рационального Иисуса 18-го века, и это то, что он получил в итоге, с Библией Джефферсона. Так что Джефферсон является хорошим примером этого, будучи сам своего рода законченным деистом.

Так что, я думаю, я имею в виду, вы мне скажите, если он не такой, и дайте мне какие-нибудь хорошие подтверждающие доказательства, что он не такой, но я хочу поговорить об этом. Но в любом случае, давайте перейдем к Руссо и важности Жан-Жака Руссо. Итак, вот Руссо пишет в Европе, и он пишет вещь под названием «Общественный договор».

И вы, конечно, ну, сколько из вас читали «Общественный договор» для других курсов? Для курсов политологии, может быть, это были бы курсы политологии или что-то в этом роде. Так что «Общественный договор». Если вы не читали

«Общественный договор», я собираюсь помочь вам, дав несколько моментов из книги.

Итак, если вы его не читали, мы собираемся пройти через Общественный договор. Общественный договор был очень влиятельным текстом в 18 веке и оказал большое влияние на Джефферсона и других отцов-основателей. Вы обнаружите, что это в основном деистический тип текста.

Это не только политическое, но в каком-то смысле и религиозное. Ладно, сейчас утро понедельника, вам нужен перерыв. Так что сделайте перерыв.

Теперь давайте возьмем «Общественный договор». Большинство из вас его не читали, поэтому я просто упомяну несколько вещей из «Общественного договора», которые стали важными для наших отцов-основателей. Хорошо, во-первых, номер один, очень важный.

В «Общественном договоре» Руссо отрицает, он отрицает любую теорию божественного права королей. Итак, он отрицает любую теорию божественного права королей. Нет никакого божественного права королей править, как они правят здесь, в Европе, где он писал эту книгу.

Он действительно предлагает очень радикальный, своего рода светский взгляд на политическое лидерство. И этот светский взгляд на политическое лидерство заключается в том, что оно исходит от народа. Так что нет божественного права королей, но лидерство исходит от народа.

Так что это становится очень важным. Так что это своего рода номер один. Хорошо, номер два, общая воля народа — это то, что продолжает управлять народом через законы.

Какие законы мы должны установить для правительства? Ну, мы должны избрать законы, которые исходят из общей воли народа. Мы не следуем законам, которые навязывает нам какой-то монарх. Мы следуем законам правительства и законам жизни, которые воля народа решает как хорошие для блага народа.

Так что это не что-то навязанное нам. Мы те, кто это разработал. Хорошо, номер три, Общественный договор, что такое Общественный договор? Общественный договор имеет две стороны.

Это как монета с двумя сторонами. Хорошо, Общественный договор, прежде всего, заключается в том, что индивидуальная свобода должна охраняться. С одной стороны, одна сторона монеты заключается в том, что индивидуальная свобода должна охраняться и охраняться.

С другой стороны, однако, должно быть справедливое правительство, которое должно заботиться об общем благе людей. Итак, с одной стороны, у нас есть гарантия индивидуальной свободы, но с другой стороны, есть справедливое правительство, которое должно следить за общим благом. Хорошо, это номер три.

Хорошо, номер четыре, эта книга, номер четыре, я просто хочу, эта книга, трудно, трудно сказать, насколько эта книга повлияла на мышление политических лидеров здесь, когда революция разгоралась здесь, в Америке. Эта книга оказала большое влияние на то, о чем они думали, находясь под тем, что они считали тиранией Англии. Поскольку они находятся под тиранией Англии и тиранией монарха, и о чем они начинают думать, и не меньше думают об этом, чем прямо в Бостоне, который был своего рода одним из сердец революции, но они думают об этих идеях, и они применяют их к американской гражданской жизни.

Итак, сама книга действительно, действительно очень важная книга. Хорошо, так что же такое документальный фильм в рамках политической и религиозной теории отцов-основателей? В чем заключается документальная привлекательность этих людей? Итак, как только я прочитал ее вам, я думаю, мы поняли это, но заметьте, что документальная привлекательность была не в Библии. Отцы-основатели, по мере того как разгорается революция, не апеллируют к Библии.

Они не такие, и призыв не к какому-то божественному откровению в Библии, которое дало нам причину для нашего дела. Призыв к чему? К самоочевидному. Итак, вот.

Теперь, это покажется вам знакомым. Мы считаем эти истины самоочевидными. Поэтому обращение философски к самоочевидным истинам.

Мы считаем эти истины самоочевидными. Все люди созданы равными, и они наделены чем? Своим создателем. Это очень деистический термин.

Это своего рода кодовое слово. Они наделены своим создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью. Так что призыв — это самоочевидный, разумный призыв.

Мы считаем эти истины самоочевидными. Так что они не говорили, что мы считаем эти истины библейскими. Мы открываем Библию и находим эти истины в Библии, о которых они не говорили, и они даны их Богом-искупителем.

Они даны Богом, который пришел во Христе, чтобы править. Так вот, это призыв отцов-основателей. Так что мы хотим быть уверены, что понимаем это.

Среди них жизнь, свобода и стремление к счастью. Теперь здесь, что для обеспечения этих прав правительства учреждены среди людей, а не божественным путем, черпая свои справедливые полномочия из согласия управляемых, что всякий раз, когда какая-либо форма правительства становится разрушительной для этих целей, это право народа изменить, отменить ее и учредить новое правительство, заложив его основы и подпринципы и организовав его полномочия в такой форме, которая, по их мнению, наиболее вероятно повлияет на их безопасность и счастье. Итак, это не обращение к откровению Бога в священном тексте в Библии, с помощью которого мы как бы формируем и оформляем то, что мы здесь делаем.

Теперь позвольте мне просто продолжить это всего на минуту, а затем я хочу, чтобы вы сказали мне, где я здесь не прав. Вместе с этим, с отцами-основателями, приходит американский тип конституционной жизни, порывающей с религией сейчас. Итак, мы порываем с религией, формируя этот новый мир в революции.

Итак, с одной стороны есть церковь, а с другой стороны есть государство, и поэтому конституция отвергает все религиозные тесты для должностных лиц. В конституции нет религиозных тестов для должностных лиц. Любой может занимать государственную должность с согласия народа в конституции, но они не обязательно должны быть религиозными людьми.

Итак, что происходит, так это то, что христианство процветает в условиях этого разделения церкви и государства. Так что, христианство, это своего рода иудео-христианский расцвет, который происходит здесь, даже во время революции. Мы поговорим об этом позже.

Теперь, вот мое последнее слово по этому поводу. Америку можно назвать христианской страной или христианской нацией. Это возможно.

Можно назвать Америку христианской страной. Но можно назвать Америку христианской страной только в том случае, если под этим вы подразумеваете, что в стране много христиан. Если под этим вы подразумеваете, что здесь проживает много христиан, а также если под этим вы подразумеваете, что в американской жизни и культуре сложился своего рода иудео-христианский образ жизни.

Итак, если это то, что вы имеете в виду, называя Америку христианской страной, то это нормально. Если вы имеете в виду, что отцы-основатели намеревались основать ее как христианскую страну, мы будем использовать термин

«христиане» в термине «евангелические», если вы имеете в виду, что они намеревались основать эту страну как евангельскую христианскую страну, основанную на Библии и всей Библии, которая должна включать воплощение и так далее.

Если это то, что вы имеете в виду, то я не думаю, что это тот случай, который вы можете привести. Так что, то, что я хотел бы закончить, это противопоставить это двум вещам. Так что, если я прав, возможно, я не прав.

Так что, возможно, я не прав. Так что вам нужно сказать мне, где я не прав. Но сравните это сейчас, если я прав, сравните это с двумя вещами.

Во-первых, сравните это с тем, как пуритане основали бы эту новую нацию. Пуритане основали бы новую нацию по-другому, не так ли? Поскольку пуритане основали, они хотели, чтобы город на холме был своего рода божественным представлением того, что Бог хотел для своего народа здесь. Итак, сравните это с пуританами.

Они никогда бы не использовали такого рода язык. Они никогда бы не создали новую нацию, говоря о некоторых видах прав человека. Они бы создали новую нацию, основанную на Библии.

Но они не устанавливали здесь теократию, поэтому пуритане не имели намерения учреждать новую нацию. Кроме того, номер два противопоставляет это пониманию Роджера Уильямса того, что он делал в Провиденсе и в Род-Айленде. Потому что то, что он там делает, как он считает, основано на Библии.

Теперь, там был весь принцип религиозной свободы, не просто религиозной терпимости, а религиозной свободы. Но Роджер Уильямс, то, что он делал, мир, который он устанавливал в Род-Айленде, был, насколько он был заинтересован, очень благочестивым миром. И он был основан на писаниях.

Это не просто основывалось на самоочевидных истинах. Это основывалось на Библии. Но эти люди другие.

У этих людей нет того же взгляда на писание или того же взгляда на Бога, что был у пуритан или у Роджера Уильямса. Они по сути деисты, которые имеют взгляд на Бога как на создателя Бога. И мы живем моральной, рациональной жизнью здесь, на земле.

И этот Бог-творец ожидает от нас, что мы сделаем что-то хорошее в установлении правительства. И свергнем английскую тиранию, конечно. Так вот, это как раз тот случай.

Так вот скажите мне, где я не прав. Где я не прав? Отцы-основатели были в основном англичанами с точки зрения церковного членства. Проблема с кем-то вроде Джорджа Вашингтона, который был англиканцем, заключалась в том, что он очень, очень, очень редко ходил в церковь.

У нас очень мало записей о том, что Джордж Вашингтон действительно ходил в церковь. Так что эти люди в основном англиканцы. Они таковыми являются по своему происхождению.

Но первая англиканская церковь в Америке, я имею в виду первую унитарийскую церковь в Америке, мы пройдем прямо мимо нее, вы прошли мимо нее, если вы прошли по Тропе Свободы, это King's Chapel. В 1785 году она стала унитарийской. Так что англиканские церкви, даже в то время, двигались к унитаризму, к деизму, который в конечном итоге стал унитаризмом.

Итак, они англиканцы, но это не говорит о многом. Тот факт, что у них была эта церковная традиция и традиционный церковный бэкграунд, все еще не говорил о многом об их настоящей, глубоко укоренившейся религиозной жизни. Так что да, так что они были, в общем-то, не все.

Помните, Декларацию независимости в Род-Айленде подписал квакер. Что-то еще. Ладно, а как насчет, да, Мэтт, помоги нам здесь.

Я, конечно, согласен, что как образованный, технически грамотный католик, вы бы сказали, что простым людям, например, нужно иметь дело с небесами? Да, да. Я бы сказал, что простые люди, за исключением руководства, в настоящее время более ортодоксально религиозны. Однако, как это ни прискорбно, мы увидим это гораздо позже.

Жаль, что, несмотря на это, посещаемость церкви начинает быстро снижаться по мере приближения времени Революции. И вот у нас только что было это Первое Великое Пробуждение, колоссальное пробуждение в американской общественной жизни, и все же у вас есть этот спад, предшествующий Революции. Так что, я бы сказал, что простые люди, обычные люди, ходят в церковь.

Они христиане и так далее. Но мыслители, те, кто это продумал, и простые люди рады как-то ввязаться в это, потому что они достаточно знают о религиозных войнах. Они достаточно знают о том, когда государство контролирует церковь, и они не хотят возвращаться к этому.

Так что они отделены от церкви и государственных людей в любом случае, вообще говоря. Так что они купятся на это. Еще кое-что об отцах-основателях.

Он движется к деизму. Если вы заставите Джефферсона переписать Библию и вырезать чудеса, вы сделаете довольно большой шаг от ортодоксального христианства к довольно полноценному деистическому мышлению. Вы выбираете Джефферсона, потому что он это сделал? Да, я выбрал Джефферсона, потому что он также блестящий писатель, и первый сформировал часть этого мышления в своем языке, который является великолепным языком.

Так что да, я выбрал его, потому что, возможно, он был бы тем, с кем мы были бы наиболее знакомы. Но как насчет Бенджамина Франклина, например? Вы находите в Бенджамине Франклине очень религиозного, ортодоксального, приземленного человека, который верит в воплощение? Нет, вы не находите этого у Бенджамина Франклина.

Вы находите в основном деиста, который хотел жить хорошей моральной жизнью и дал нам много хороших вещей для размышлений, как ранняя пташка, поймавшая червяка. Но вы не говорите о человеке, который укоренен в писаниях, в церкви или в жизни церкви. У вас есть еще один вопрос? Да, конечно.

В то время, когда Джефферсон стал президентом. Когда Джефферсон стал президентом, верно? И вот, мне интересно, между администрацией Адамса, федералистами, Джефферсоном и людьми, которые хотели использовать Джефферсона в политической идеологии, была ли заметная религиозная разница? Я бы сказал, что нет, но я готов послушать людей, которые хотят, потому что я бы сказал, что деизм был в основном мышлением руководства.

И даже если руководство поменялось и некоторые взгляды изменились, я думаю, мы все еще в основном говорим о, знаете ли, деистах. Так что это то, что я хочу сказать. Но кто-нибудь из вас когда-нибудь слышал о книге «Свет и слава»? Кто слышал о книге? Руки за Свет и славу, слышали о ней.

Нет? Хорошо, Тед и я слышали об этой книге. Так что, нет рук для The Light and the Glory, слышащих об этом. The Light and the Glory — очень интересная книга, и я слышал, как говорит автор.

И он немного расстроен тем, что такие люди, как я, учат этому. И поэтому в «Свете и славе» он пытается сделать предложение, и вам следует прочитать «Свет и славу». Это даст вам другую сторону истории.

Но он пытается доказать свою точку зрения; он пытается предположить, что ранние отцы-основатели были своего рода полноценными евангелистами и что это дело говорить о них как о деистах — нехорошее занятие. Ну, был, да, был, или парень, на которого я часто указываю, это квакер из Род-Айленда, который,

я думаю, даже несмотря на то, что у него были квакерские убеждения, это были довольно глубоко укоренившиеся убеждения во Христе и внутреннем свете Христа и так далее. Так что, да.

Джон Уизерспун был представителем духовенства. Правильно. Значит, у него был интерес.

Что касается Уизерспуна, то он похож на Чарльза Чонси немного раньше. Чарльз Чонси был членом духовенства, но критиковал Первое Великое Пробуждение, как мы уже упоминали, и в конечном итоге перешел в унитаризм. Так что некоторые из этих людей отходят от православия и в религиозном плане.

Но да, мы можем найти людей, которых мы сочтем евангелистами в это время. Я просто пытаюсь доказать, что движители и шейкеры, без каламбуров, мы еще не говорили о шейкерах, но движители и шейкеры были людьми, которые были деистами и использовали язык Руссо. Они не используют язык Библии.

Они используют язык общественного договора, когда создают Декларацию независимости и Конституцию. Да, я думаю, что деизм — это убедительная интеллектуальная сила в Европе, и он проникает в Америку через этих людей, которые хорошо образованы и начитаны. Помните, сколько времени Джефферсон провел во Франции? Эти люди — очень утонченные, интеллектуальные локомотивы в каком-то смысле в нашей культуре.

Так что, я думаю, деизм здесь тоже имел реальную привлекательность. Вопрос из зала. Нет, верно.

Это хороший вопрос. Я думаю, две вещи. Во-первых, конечно, пилигримы, пуритане, конгрегационалист Роджер Уильямс, они мыслили терминами, они бы не использовали этот язык.

Они бы использовали гораздо больше библейского языка, если бы они действительно основали страну, чего они не сделали. Но если бы они это сделали, они бы не использовали язык теократии, потому что, я думаю, они в основном думали, что это относится только к Израилю. Но они бы использовали этот город, поставленный Богом на холме, своего рода язык.

Так что они не были настроены на это. Конечно, были люди во время революции, которые оглядывались на это и думали о ней как о христианской нации в этом смысле. Но я не думаю, что руководство было настроено так.

Я думаю, что руководство давало нам новое видение этого. И частью видения, конечно, было разделение церкви и государства. Это также было частью

видения, поскольку мы развиваем совершенно новую страну, совершенно новый мир здесь.

Но теперь история движется вперед в 19-й и 20-й век, и у нас, конечно, есть люди, которые оглядываются на отцов-основателей, как на пытающихся основать христианскую нацию. Я думаю, они основывали нацию, основанную на иудео-христианских этических принципах и фундаменте там. Но я просто не нахожу, что их язык, их язык как-то выдает мне, чем они были.

Вы сказали, что разделение церкви и государства было делом Роджера Уорли. Правильно. Вы сказали, что отцы-основатели были? Я думаю, что отцы-основатели все еще были британцами.

И мы выгоняем британцев. Британцы видели британский мир как мир, где государство контролирует церковь. И они этого не хотят.

И они рады допустить расцвет христианства в Америке и даже расцвет других религий. Была основана первая синагога в Америке. Кто такая современная еврейская культура, народ? У нас есть пять секунд. Современная еврейская культура, кто-нибудь? Где была основана первая еврейская синагога в Америке? В Род-Айленде.

Это неудивительно, ведь есть религиозная свобода. Так что они рады, что религия процветает. В этом нет сомнений.

Мы продолжим в среду. Вы можете дать мне знать, насколько я еретик в среду, и тогда мы продолжим.

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 7, Религия и американская революция.